

Олег Губарь

The second (next) life

Из новой книги

Женераль Чарнота

Однажды я решил покуролесить. Молодой был. Прошвырнулся по «большому кругу» винарок. И потом еще с собой нес фаустпатрон «Изабеллы». На остановке внизу Потемкинской лестницы познакомился с пересыпской барышней. Троллейбусы чего-то перегорели, и мы пошли пешком на Московскую. Ну, занимались там у барышни разными делами. Ночь. То да се. И вдруг мне приспичило. Помню, брюки натягиваю. Помню, двор внизу. Помню, барышня указывает на раскидистое дерево. Подойди, мол, и справь, а сама в комнату возвращается. Ну, я справил. Гляжу вверх. Галерея с перилами, длинная такая, архаично одесская. Дюжина одинаковых дверей. И никого. В какую, спрашивается, ломиться? Постоял в задумчивости и побрел домой. На пороге Мама глянула на меня со значением. «Ты чего, – говорит, – так и шел через весь город?» – «Как?» – «Да – босиком», – говорит.

Женский день

Однажды на кафедре истории древнего мира ОГУ отмечали Международный женский день 8 Марта. Ну, там типа разговор культурный зашел. Кому какие женские исторические персонажи по вкусу. Одна говорит: «Жанна Д'Арк». Другая: «Мария Стюарт». Третья: «Клеопатра». И такое прочее. А после профессора Карышковского спрашивают – достойнейший был мужик, и великий остролов: «А вы что же, Петр Осипович, вам-то кто нравится?».

ПэО пожевал губами и говорит: «А мне царица Хатшепсут нравится». «А-а-а, – разочарованно протянула одна из продвинутых сотрудниц, – и правда, была такая царица египетская. Да чем же она может нравиться?!» Профессор удивленно вскинул брови: «Как это? Да о ней же не дошло почти никаких известий!».

Кот

Дядя Боря направлялся на Старую Книжку, чтоб обменять 20 долларов, а после «сделать базар». Неподалеку от площади Толстого упал и откинул ботинки. Младший сын Алик, начальник следственного отдела городской прокуратуры, на месте происшествия вел себя по обыкновению сдержанно. Только очень наблюдательный прохожий подметил бы, как недоуменно разглядывает стоптанные отцовские башмаки старший советник юстиции.

Возле выставленного в молдаванском дворике гроба что-то происходило: наш добрейшей души кореш Ваня призывал ветхозаветных стариков обнажить головы, а те глядели на него столь же недоуменно, как давеча Алик на старые боты. На Еврейском кладбище я вещал что-то об «исхоженных детством» улицах, о дефиците во все времена и при любых режимах людей правил и чести. И тоже помянул – ни к селу, ни к городу – старые ботинки.

При чем тут кот. При том, что он был у Дяди Бори. Тетя Дора умерла, старший, Фима, уехал в Германию, Алик беспросветно мандячил на мелиху, средний, Мишаня, – на друзей, тоже беспросветно. Кот был под рукой. Когда Дядя Боря навещал Фиму, Мишаня получал инструкции по обслуживанию хвостатого. По возвращении Дядя Боря врубал глазомер, сличая памятный абрис с реальным и резюмировал: «Вроде, ничего». В такие моменты Мишаня опасливо размышлял: «Если б этот кот мог поведать Батяне о пережитом...».

Сегодня мы не без труда вспомнили, что кота звали Кузей. Какое это, собственно, имеет значение. Гроб пронесли по перестроенной в послевоенной нищете Дядей Борей галерее,

спустили по лестнице на погано заасфальтированную площадку. Сквозь процессию незаметно просочился кот. Больше мы его никогда не видели.

Опыт

– Нет ничего лучше собственного опыта. Однажды в армейке решил догнать и перегнать слинявшего из хозчасти поросенка. Я был разрядником в беге на 1.000 и 3.000 м, а поросенок, по моим расчетам, вряд ли. Хрюндай рысачил вокруг санузла (санчасти и библиотеки в одном деревянном флаконе), я за ним, буквально по пятам. Решив измотать соперника, побежал размеренной трусцой, отладив дыхалку, и даже позволил хмырьку занять позицию вне прямой видимости. Старшина роты, дневальный, медицинская бабушка, красotka библиотекарша & Со хохотали до полного пароксизма, покуда я уверенно нарезал круги. Хрен знает, когда хрюндай сорвало с орбиты центробежной силой, но он выбыл из соревнований, а я еще долго и честно оставался. Много позже узнал, что в космос сперва намеревались запустить не собаку, а поросенка, поскольку свинья вообще физиологически ближе к человеку. Но идеологически этот проект проиграл. Что, в общем, утешительно.

Портал

– Дом заселяли по жребью. Мой Везучий Отец (всю войну на передовой, и хоть бы хны) вытянул счастливую пятерку в девятиэтажке. Водяная балка, Ставки, жабы убедительно квакают, лабазы времен «Зеленого фургона», легендарный вытрезвитель на Скидановском спуске, а мы вознеслись над недоцивилизацией в выси горние. И вдруг, среди здесь, где чисто и светло, пришла, понюхала и ушла крыса. Но вернулась. И зачастила. Лаз обнаружился в правом углу сортира, соответственно слева от сидящих в кресле первого ряда партера.

Я был креативненьким. Цапнул ведро, сбегал на улицу, натырил гранитного щебня и стал закидывать нору. Камешки без-

звучно улетали в неизвестность. Я был не только креативным, но если называть вещи по именам, клято любознательным. Смотрелся за вторым ведром, за третьим. Занятие увлекало. Открылась бездна звезд полна.

Логика не работала, а физика – да. Если где-то шота прибыло, стало быть, шота где-то убыло. Площадка перед домом долго оставалась не заасфальтированной ввиду отсутствия наличия щебенки.

В конце концов Батя просек меня и пресек эксперимент, не смотря на все обоснования коммуникации меж измерениями, мотивируя стоимостью щебня и тонно-километрами за наш счет. Просто взял, и пошло зацементировал Сезам.

Как честный человек оставляю типа код да Винчи потомкам: улица Балковская (Фрунзе), 34, квартира 125. Нынешним жильцам на меня не ссылаться: они еще не знают своего счастья.

